

ББК 63.3(2)533-210.6

Д.Н. Белянин

**Источники формирования колони­зационного фонда
в Западной Сибири в годы осуществления
столыпинской переселенческой политики (1906–1914 гг.)**

D.N. Belyanin

**Sources for Forming Colonization Fund
in Western Siberia during Realization of Stolypin's
Migration Policy (1906–1914)**

Исследуется дискуссионный вопрос заготовки колони­зационного фонда для переселенцев в период Столыпинской аграрной реформы. На основе широкого круга архивных источников, часть которых впервые введена в научный оборот, выявлены основные источники формирования колони­зационного фонда в 1906–1914 гг. Сделан вывод о наличии значительного резерва для землеотводных работ накануне Столыпинских переселений.

Ключевые слова: Западная Сибирь, столыпинская переселенческая политика, землеотводные работы, колони­зационный фонд.

The article investigates a debatable question of preparing colonization fund for immigrants during Stolypin's agrarian reform. Basing on wide range of archival sources, part of which is entered into a scientific turn for the first time, the author reveals basic sources which formed colonization fund in 1906–1914. It is concluded that there was a significant reserve for allotment works on the eve of Stolypin's resettling.

Key words: Western Siberia, Stolypin's migration policy, allotment works, colonization fund.

Вопрос о колони­зационной емкости Сибири в период массовых переселений конца XIX – начала XX в. не был предметом специального изучения историков. Конечно, многие исследователи затрагивали отдельные аспекты, связанные с заготовкой колони­зационного фонда, его размерами, качеством земель, но эти исследования не дают ясного ответа о количестве и качестве земель, которые можно было использовать для заготовки переселенческих участков до и в период Столыпинских переселений.

В научной литературе существуют две противоположные точки зрения. Согласно первой удобный для немедленного освоения колони­зационный фонд уже к концу XIX в. был исчерпан. Как считает омский исследователь М.К. Чуркин, именно исчерпание колони­зационного фонда в конце XIX в. стало причиной ограничений в переселенческой политике [1, с. 178].

Вторая точка зрения основана на данных о существовании в Сибири значительных свободных пространств, которые имелись в наличии в начале XX в. и вполне могли использоваться для колони­зационных целей. Например, П.А. Столыпин после посещения Сибири в 1910 г. описал этот регион как изобилующий свободными землями: «Достаточно отъехать хотя бы недалеко в сторону от Сибирской железной дороги, даже в наиболее населенных уездах Западной Сибири (Петропавловском, Барнаульском, Томском), для того,

чтобы сразу охватило впечатление шири, простора, редкого еще населения» [2, с. 21].

Между тем тезис об исчерпании удобного колони­зационного фонда уже к концу XIX в. входит в противоречие с практическими результатами массовых переселений начала XX в. Например, по данным И.В. Островского, в 1906–1915 гг. в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях и Забайкальской области для переселенцев было отведено 793572 душевые доли, на которые переселилось 922995 душ мужского пола (д.м.п.) [3, с. 152]. В годы Столыпинских реформ, по данным Л.М. Горюшкина, новоселы хозяйственно освоили 16,5 млн дес. новых земель, в том числе распахали около 8 млн [4, с. 136].

Какие земли стали источником формирования колони­зационного фонда в период Столыпинских переселений? Во-первых, это были пустующие земли. Вопреки мнению многих официальных лиц, таковые в Западной Сибири еще имелись, причем не только в районах экстремального земледелия. Даже в наиболее густонаселенной части Томской губернии – на Алтае в течение 1907–1909 гг. в колони­зационный фонд поступили после предварительного исследования свободные земли Бельгагачской, Ремовской, Узкой, части Коростылевской и Кулундинской степей [5, с. 76]. В 1907 г. под переселенческие участки было взято 93014 дес. «в северной части Кулундинской

степи, свободной от киргиз» [6, л. 15об.]. В 1907 г. в официальном издании была отмечена тенденция сокращения заготовки земель в таежных районах и преимущественного отвода земель степного характера за счет Алтайского округа и Тургайской области [7, с. 15]. По данным В.Г. Тюкавкина, в 1913–1917 гг. для культурного скотоводства было отведено 859000 дес. из числа свободных степных земель [8, с. 23].

Систематические научные исследования, проводившиеся до и в период Столыпинских переселений, позволили получить более полное представление о колонизационных возможностях Сибири и вовлечь пустовавшие земли в сельскохозяйственный оборот. Так, летом 1896 г. были проведены изыскания в Томской, Тобольской и Иркутской губерниях. Причем в Тарском уезде Тобольской губернии исследовались «пустопорожние пространства в западной части округа» и незаселенные местности южнее 68 параллели. В результате в этих районах было признано возможным образовать до 50 участков площадью 120–150 тыс. дес. [9, с. 1–2, 4]. В 1910 г. в Томской губернии было исследовано до 500000 дес. по рекам Улу-Юл, Чика-Юл и Чулым, из которых пригодными для колонизации было признано 110000 дес. В Змеиногорском уезде в том же году было исследовано 1707000 дес., из которых оказались пригодны для колонизации 430000 [10, с. 46].

Даже после массовых переселений 1906–1914 гг. в Западной Сибири продолжали оставаться «пустопорожние» пространства, которые могли быть выделены для колонизации. Так, в объяснительной записке к плану землеотводных работ по Тобольскому району на 1918 г. отмечалось, что в Ишимском уезде образование запасного земельного фонда планируется «из пустопорожней части казенного пространства, расположенного на севере от г. Ишима, площадью до 72000 десятин» [11, л. 56–57].

К числу незаселенных пустующих земель можно отнести район «десятиверстной полосы», которая ранее разделяла казачьи станицы пограничной линии и степи инородцев. В 1904 г. эта полоса была присоединена к землям Сибирского казачьего войска, но ее остаток после отведения наделов станицам и участков войсковым чинам составлял 800000 дес. Эти земли были слабо заселены, но там имелось еще много плодородной нераспаханной целины [2, с. 23].

Не стоило сбрасывать со счетов и колонизационные возможности сибирской тайги. Исследования на рубеже XIX–XX вв. показали, что тайгу не следует понимать как район сплошных, непроходимых дремучих лесов. По данным исследований, в тайге наряду с «черной» тайгой были обнаружены обширные пространства безлесных «еланей» и покрытых листовым редколесьем «бельников», вполне пригодных для сельскохозяйственного пользования и не слишком трудных для разработки. Причиной обра-

зования «еланей» были лесные пожары, в результате чего происходила расчистка обширных пространств, почва освобождалась от избытка влажности, таежный бурьян сменялся мягкой доброкачественной травой [12, с. 135].

В состав колонизационного фонда также включались казенно-оброчные статьи и казенные лесные дачи. В предшествующий период оброчные статьи казны и лесные дачи для образования переселенческих участков почти не использовались. По правилам 13 июня 1893 г. лесные дачи «по возможности» не должны были включаться в состав образуемых переселенческих и запасных участков, а казенно-оброчные в качестве источника для колонизационного фонда даже не назывались [13, с. 91–96]. Между тем А.Н. Куломзин еще в 1896 г. отметил, что громадные пространства лесных дач, часто являясь удобными для заселения, пропадают без всякой пользы [14, с. 142]. Поэтому именно лесные дачи и оброчные статьи в 1906–1914 гг. представляли значительный резерв для расширения колонизационного фонда.

Известный историк-аграрник В.Г. Тюкавкин определил площадь казенно-оброчных статей в Сибири в начале XX в. в 2,8 млн дес., а площадь казенных лесных дач – в 27 млн дес. [8, с. 22]. Разумеется, далеко не все из этих земель возможно было обратить в переселенческие участки. Одним из препятствий к этому был высокий процент неудобных земель, негодных для занятия хлебопашеством. Даже среди так называемых удобных земель в составе казенных дач и оброчных статей числились «полуболотистые можечины, фактически непригодные ни для какого хозяйственного назначения» [15, с. 7–8].

Уже 3 мая 1906 г. вышел циркуляр, предлагавший отводить переселенческие участки из казенных лесных дач, которые расположены вдоль дорог, проложенных Переселенческим управлением, и в тех местностях, которые отделяют один колонизационный район от другого. В том же циркуляре упоминалось распоряжение главы Главного управления землеустройства и земледелия провести повторное исследование лесных пространств «в целях приискания в казенных лесных дачах удобных для образования новых переселенческих участков земельных площадей» [16, л. 106–106об.]. Подобные исследования не прекратились даже в годы Первой мировой войны. Так, смета расходов Томского района на 1917 г. предполагала проведение рекогносцировочных изысканий для поиска нового фонда в Верхне-Омской казенной лесной даче на площади 100000 дес. [17, л. 15].

На совещаниях управляющего госимуществами и заведующего переселенческим делом в Тобольско-Верхотурском переселенческом районе в апреле и мае 1906 г. было решено, что чины Переселенческого управления совместно с лесниками должны определить те казенные дачи, которые возможно обратить

в колониционный фонд. Уже в 1906 г. было принято решение о массовом использовании оброчных статей и лесных дач казны для заготовки переселенческих участков. Оброчные статьи в местностях, где поземельное устройство закончено, можно было целиком обращать в колониционный фонд. Управление госимуществами Тобольской губернии в 1906 г. не имело препятствий к отчуждению статей, находящихся в хозяйственном распоряжении лесничих (275577 дес. удобной земли), статей, находящихся в арендном пользовании лиц некрестьянского сословия (54629 дес. удобной земли). Разreshалось отчуждать для колонизации статьи, находившиеся в арендном пользовании отдельных крестьян (общая площадь статей этой группы – 283637 дес. удобной земли). В результате только в Тобольской губернии в 1906 г. колониционный фонд за счет передачи казенно-оброчных статей фактически был увеличен почти на 700000 дес. удобной земли. Причем речь шла не о глухих таежных районах, а о таких хлеботородных уездах, как Ялуторовский, Тюкалинский и Ишимский [18, л. 1–1об., 23–23об.].

По данным И.В. Островского, в Тюкалинском и Тарском уездах Тобольской губернии оброчные статьи зачислялись за ходоками даже без утверждения участков временными комиссиями. В Тюкалинском уезде в колониционный фонд было обращено около 300000 дес. из числа казенно-оброчных статей [3, с. 63–64]. Например, участок Мичушинский №9 (Тобольская губерния) в 1913 г. был запроектирован из земель Аниковской и Мичушинской статей Юрчинского лесничества [19, л. 1]. В 1908 г. из Мисской лесной дачи (Тарский уезд) было образовано сразу 6 переселенческих участков [20, л. 2–2об.].

Нередкими были случаи, когда образование участка из казенно-оброчной статьи происходило по просьбе переселенцев. Так, в январе 1909 г. 11 семей переселенцев Подольской губернии ходатайствовали об образовании участка из состава Карагай-Точкалинской казенно-оброчной статьи Тюменского уезда [21, л. 3об.]. Переселенческий участок Соколовский (Тобольская губерния) был образован из части Соколовской оброчной статьи на основании просьбы переселенцев. Есть примеры, когда переселенцы самовольно захватывали земли, входившие в лесные дачи или казенные статьи, затем подавали прошение об образовании на месте их поселения переселенческого участка, и только после этого составлялись формальные документы, регистрирующие данное поселение как переселенческий поселок. Именно так были образованы участки Граковский и Юланский, выделенные из Рыбинско-Каргалинской лесной дачи (Тобольская губерния) [22, л. 5–6, 7–10]. В 1906 г. крестьянин-переселенец возбудил ходатайство об образовании поселка из казенных земель, ранее им арендованных. Несмотря на то, что ходатайство

об образовании переселенческого поселка исходило всего от одного переселенца, зав. переселенческим делом Томского района счел его заслуживающим удовлетворения [23, л. 119–119об.]. Аналогичная картина в том же году наблюдалась и в Тобольском районе, где на 70 казенно-оброчных статьях самовольно водворилось 427 семей (1368 д.м.п.) [24, л. 19–21].

В период массового притока переселенцев в 1909 г. был установлен упрощенный порядок отвода переселенческих участков из казенно-оброчных статей. В результате в Тобольской губернии переселенческие участки нередко образовывались среди действительно ценных лесных дач. Именно так были образованы 2 переселенческих участка в центре ценной Павьино-Ошмаровской дачи (Туринский уезд) [25, л. 19–19об.].

В отдельные годы именно казенно-оброчные статьи и лесные дачи становились вообще единственным источником формирования колониционного фонда. Например, в 1915 г. в Тобольском районе в переселенческие участки предполагалось обращать исключительно казенно-оброчные статьи и лесные дачи. Общая емкость отводимых под переселение казенных земель в Тобольской губернии должна была составить 20400 дес. [26, л. 11–12]. Только из казенно-оброчных статей предполагалось сформировать в 1914 г. колониционный фонд в Тобольском районе [27, л. 11–11об.]. В 1912 г. в том же районе было заготовлено 13 поселковых участков, 12 хуторских и одна прирезка. Источником для них стали казенные земли, и только один поселковый участок был образован из земель «совместного пользования казны и старожилов» [28, л. 18об.]. По отдельным уездам также можно отметить преобладание в структуре колониционного фонда именно оброчных статей и казенных лесных дач. Так, в Тюменском и Туринском уездах колониционные работы все время велись исключительно на казенных землях, тогда как излишки землепользования старожилов в обоих уездах не играли сколько-нибудь значительной роли [29, л. 33].

Заметим, что, несмотря на массовое использование казенных статей и лесных дач в качестве источника формирования переселенческих участков, этот источник колониционного фонда к началу Первой мировой войны еще далеко не был исчерпан. Так, на 1 января 1913 г. лесные казенные дачи в Тобольской губернии занимали площадь 63263000 дес., в Томской – 34392000, в Енисейской – 8547000, в Иркутской – 8813000 [30, карты 28–31]. Разумеется, далеко не все оставшиеся казенные лесные дачи можно было обратить под образование переселенческих участков. Некоторые дачи сдавались в аренду, другие вообще нельзя было использовать по причине их особой ценности или из-за непригодности для занятия земледелием. Но очевидным было то, что этот источник еще не исчерпан. По данным Л.И. Боженко, в 1920 г. только

в Омской губернии из свободных государственных земель было выделено под посев для неприписных и безземельных крестьян около полумиллиона десятин [31, с. 93].

Источником формирования колонизационного фонда стали излишки землепользования старожилов и инородцев, выявленные в ходе землеустройства. С целью расширения колонизационного фонда в декабре 1906 г. глава ГУЗиЗ направил сибирским губернаторам циркуляр, который предписывал для расширения колонизационного фонда, помимо свободных государственных земель, замежевывать в переселенческие участки земельные излишки, оставшиеся после землеустройства местного населения, излишки в землепользовании инородцев [32, с. 9]. По признанию П.А. Столыпина, отрезки были лучшим для переселенцев колонизационным фондом и заселялись охотнее всего [2, с. 28].

Степные районы, занятые кочующими инородцами, также рассматривались правительством в качестве источника пополнения колонизационного фонда. В 1907 г. было высказано общее мнение, что деятельность временных партий по образованию переселенческих участков необходимо развить до самых широких размеров. При этом речь не шла «об ограблении инородцев». Напротив, совещание признало более правильным путь «согласования интересов как киргиз, так и переселенцев» [33, с. 147–149].

В масштабе общей картины отрезки не стали основным источником для образования переселенческих участков в Западной Сибири. Так, в плане работ по отводу переселенческих участков в Тобольской губернии на 1912 г. только в Тюкалинском уезде в колонизационный фонд планировалось включить излишки землепользования старожилов. В остальных уездах фонд был составлен из казенно-оброчных статей и лесных дач (в Ишимском уезде еще планировалось обратить для переселенцев один запасной участок) [34, л. 10об.–11об.]. В проекте сметы расходов по Томскому району на 1912 г. из казенных земель только в Каинском уезде предполагалось использовать излишки землепользования старожилов, но и они были «незначительными» [35, л. 7]. В качестве дополнительной иллюстрации приведем данные из плана работ по поземельному устройству и отводу переселенческих участков в Тобольской губернии на 1913 г. Согласно этому документу, заготовка новых переселенческих участков планировалась на площади в 22300 дес. Из этого числа на излишки землепользования инородцев приходилось 2300 дес. в Ялуторовском уезде (излишки юрт Кошелевских и Сунгуровских) и 400 десятин в Тарском уезде (излишки землепользования инородцев юрт Кочуковских). Остальные земли для переселенческих участков предполагалось брать исключительно из числа казенно-оброчных статей или казенных лесных дач [36, л. 26–27]. В результате

отрезки от наделов старожилов и инородцев в Тобольском районе на 1913 г. должны были составить лишь 12,1% от всего колонизационного фонда (подсчитано нами. – Д.Б.).

В 1911 г. в Тюкалинском уезде только 3 участка из 45 были образованы из земель старожилов. Для участка Черемнов остров (1598,05 дес.) источником стали «излишки общего пользования крестьян Драгунской волости», а участки Лодочный (2204,86 дес.) и Лобовский (468,60 дес.) были образованы из общего пользования крестьян дер. Киберско-Спаской и с. Иконниковского. Остальные 42 участка были образованы из казенно-оброчных статей или лесных дач [37, л. 110–111об.]. В 1915 г. в Тобольской губернии переселенческие участки предполагалось образовывать исключительно из казенных лесных дач и оброчных статей. Несмотря на то, что в том же году поземельно-устроительные работы в Тобольской губернии велись в 129 волостях и еще в 9 предполагалось работы начать, излишки от землепользования старожилов и инородцев (если таковые вообще были) в состав переселенческих участков не включались [26, л. 2, 12–13].

Заметим также, что землеустроительная реформа в Сибири, в ходе которой появлялись отрезки, не была завершена ни к 1914 г., ни даже к 1917 г. На казенных землях Томской губернии всего к землеустройству было запланировано 9372798 дес. земли, а к началу 1917 г. было отграничено лишь 3117134 дес., что составило только 33,2% [38, с. 211]. По данным И.А. Асалханова, в итоге в ходе землеустройства было окончательно отграничено 3866856 дес. (52,69% земли, подлежащей землеустройству), а на площади 19962702 дес. (27,2%) землеустройство вообще не начиналось. Фактически только на территории Алтайского округа Кабинета землеустройство было завершено полностью уже в 1913 г. [39, с. 71]. По данным М.Т. Когут, в 1898–1906 гг. правительство отказалось от подчинения сибирского землеустройства колонизационной политике [40, с. 5]. Это означало, что образование отрезков для использования их в колонизационных целях не было приоритетной задачей. Именно поэтому в масштабе передаваемых под колонизацию земель доля отрезков от наделов старожилов и инородцев была невысока. По подсчетам А.А. Кауфмана, в Томском уезде таких излишков насчитывалось около 400000 дес., в Бийском – 50000. Эти цифры А.А. Кауфман охарактеризовал как «до смешного ничтожные» по сравнению потребностями переселенческого движения [12, с. 134].

Не все отрезки, возникавшие в ходе землеустройства, использовались для образования переселенческих участков. Часть отрезков перешла в ведение Кабинета или казны и стала использоваться в качестве арендных оброчных статей. Так, при землеустройстве инородцев в Горном Алтае все земли, отошедшие

в распоряжение Кабинета, были использованы для образования оброчных статей [41, с. 57].

По мнению М.В. Шиловского и Д.Я. Резуна, землеустроительные работы на землях инородцев вообще проводились с особой тщательностью и осторожностью. Была установлена сложная процедура отмежевания излишков, кроме того, правительство жестко ограничивало самовольные переселения крестьян на уголья скотоводов. Переселенческая организация поступалась интересами переселения в пользу кочевников, активно защищала интересы коренных народов Сибири. При этом почти все судебные дела по спорам аборигенов и русских крестьян из-за рыболовецких или охотничьих угодий решались в пользу коренных народов [42, с. 100–102]. В 1906 г. при обсуждении вопроса об открытии Алтайского округа для переселенцев министр двора указывал на необходимость «надлежащего ограждения интересов коренного населения» [43, с. 6]. Согласно распоряжению Кабинета от 21 декабря 1910 г. захват переселенческими работами фактического землепользования инородцев, хотя бы и с формального согласия последних, считался неправильным. Для нужд переселения могли передаваться лишь незаселенные земли, но отнюдь не находящиеся во владении населения, в том числе и инородцев [44, с. 762]. В 1910 г. П.А. Столыпин отмечал, что во многих степных волостях киргизы еще не перешли к оседлости и вели кочевой образ жизни. В этих районах следовало временно оставлять киргизам часть земель по скотоводческим и кочевым нормам. Сплошное землеустройство киргиз признавалось возможным только в отдельных частях киргизской степи, где произошел переход киргиз к оседлости и земледелию. Применительно к таким районам считалась возможной немедленная передача освобождающихся земель в колониционный фонд [2, с. 29]. В результате излишки землепользования инородцев в годы Столыпинских переселений все же стали включаться в колониционный фонд, хотя и составили, безусловно, не основную его часть. Так, по планам на 1912 г. в Барнаульском уезде предполагалось передать отрезки от землепользования киргиз Кулундинской степи общей площадью до 40000 дес. [35, л. 80б.].

Оговоримся, что в научной литературе имеются большие разночтения относительно данных по отрезкам, переданным под переселенческие нужды на Алтае. На этот факт ранее обратил внимание А.А. Храмов, по мнению которого, историки не всегда проводят различия между землеустройством и землеотводными работами, а все отрезки относят исключительно к землеустройству, хотя подобные отрезки проводились и до землеустройства [45, с. 66–68]. По подсчетам И.А. Асалханова, в 5-ти уездах Алтайского округа из 1545722 дес. отрезков в распоряжении Кабинета осталось 362119 дес. (23,4%), 123790 десятин были использованы в качестве прирезок малоземельным

селениям, а в колониционный фонд было передано 1183603 дес. [39, с. 71–73]. По данным Г.П. Жидкова, Кабинет передал Переселенческому управлению из отрезков землеустройства почти в два раза меньше земель: только 656619 дес. [46, с. 200]. Столь серьезную разницу в данных трудно объяснить, так как оба исследователя использовали «глухие» сноски, не обозначив характер цитируемых документов.

Заметим, что отрезки могли появиться не только в землеустроенных селениях, но и там, где землеустройство еще не начиналось. В 1906 г. циркуляром от 23 декабря князь Васильчиков распорядился отводить под переселенческие участки «предвидимые с достаточной вероятностью излишки в землепользовании населения в тех районах, где к землеустройству еще не приступлено» [47, с. 262].

Отрезки были не единственной возможностью передачи излишков старожильческих земель переселенцам. Очень часто в процессе землеустройства чины поземельно-устроительных отрядов оставляли во владении крестьян-старожилов излишки сверх нормы с обязательством доприселения на них определенного числа душ мужского пола. Например, в наделе улуса Тайлеп (Кузнецкий уезд) был оставлен излишек площадью 601,90 дес. удобной земли с обязательством местного населения допринять на эти земли 40 д.м.п. [48, л. 43]. Крестьяне селения Лебедовского Кузнецкого уезда сами ходатайствовали о сохранении 372,26 дес. удобной земли с обязательством допринять на них 25 д.м.п. [49, л. 29]. Есть примеры, когда число допринимаемых было больше численности старожилов. Так, при землеустройстве с. Балахнинского (Томский уезд) 4 февраля 1906 г. этому обществу был запроектирован надел в 74 д.м.п. (32 наличные и 42 допринимаемые) [50, л. 30].

В 1907 г. для лучшей организации переселенческого дела чиновники составили отдельный список многоземельных старожильческих селений Барнаульского, Кузнецкого и Змеиногорского уездов, где было отмечено количество переселенцев мужского пола, которых можно доприселить. Например, в д. Салаирскую планировалось допринять 192 д.м.п., в д. Индерскую при имевшихся 609 причисленных и 120 непричисленных д.м.п. планировалось допринять 1400 д.м.п. Всего же по 3-м уездам предполагалось допринять 143894 д.м.п. [51, л. 1–2, 4, 60б., 10].

Оставляемые на доприселение земли не зачислялись прямо в колониционный фонд, но фактически попадали в руки переселенцев. Как считает А.А. Храмов, по итогам землеустроительной политики только на землях Кабинета старожилам были отграничены излишки земель в расчете на 77168 д.м.п., которых сельские общества должны были в обязательном порядке допринять в свои ряды [52, с. 157].

Особым источником для образования переселенческих участков стали земли Кабинета, часть

которых с 1907 г. передавалась в ведение Переселенческого управления. 19 сентября 1906 г. был издан указ «О предоставлении под переселение свободных земель в Алтайском округе». В переселенческие участки могли обращаться свободные земли, оброчные статьи Кабинета и земельные отрезки, оставшиеся от поземельного устройства местного старожилого населения. В состав переселенческих участков не могли включаться ценные и защитные лесные дачи, земли и леса, необходимые для горнозаводских предприятий, фабрик и заводов. Кроме того, нельзя было включать в переселенческие участки земли, необходимые для разработки ископаемых, для сельскохозяйственных училищ, церквей, школ и земли, занятые ценными сооружениями, строениями или садами, либо представляющие собой угодья, не отвечающие обычным условиям крестьянского хозяйства [53].

Несмотря на то, что Алтайский округ к началу XX в. имел более плотную заселенность, чем остальная часть Томской губернии, в этом регионе еще оставались свободные земли. По официальным данным, в 1897 г. средняя плотность населения в Барнаульском уезде составляла 5,2 человека на квадратную версту, в Бийском – 3,0, в Змеиногорском – 4,0, тогда как в Мариинском уезде плотность населения не превышала 2,0, а в Каинском уезде – 2,5 человека на квадратную версту. Заметим, что по показателю плотности заселения некоторые уезды Тобольской губернии заметно превосходили самый густонаселенный уезд Алтайского округа (Барнаульский). Так, средняя плотность Ялуторовского уезда составляла 9,3 человека на квадратную версту, Ишимского и Тюменского – 7,3, а Курганского уезда – даже 11,4 [54, с. 88]. Эти данные свидетельствуют, что в Алтайском округе накануне Столыпинских реформ еще имелся резерв свободных земель. По данным Г.П. Жидкова, в конце XIX в. в Алтайском округе значилось 7998921 дес. лесопокрытой площади, из которых эксплуатировалось кабинетской администрацией только 4482767 дес. [46, с. 187]. Остальные лесные районы, не занятые крестьянами и не эксплуатируемые Кабинетом, вполне можно причислить к разряду «пустопорожних» земель. Правда, колонизационное значение лесных районов определялось наличием среди них «еланей», которые могли привлечь переселенцев относительной легкостью освоения. Поэтому далеко не все из них можно считать потенциально пригодными для колонизационных нужд.

В 1908 г. было проведено и статистико-экономическое обследование Горного Алтая. Приблизительная площадь обследования равнялась 5700000 дес. Из этого числа около 3 млн дес. приходилось на высокогорную местность, пригодную лишь для скотоводства, 1/3 площади – на кедровые леса и снеговые горы, которые вообще не могли быть использованы как сельскохозяйственные угодья. За вычетом необходи-

мых на землеустройство 700000 дес. для 23000 чел. наличного населения, в пригодный для колонизации фонд можно было зачислить около 1,5 млн дес. [55, л. 90–91об., 117–117об.]. В том же 1908 г. топограф Семипалатинского переселенческого района представил в чертежную Алтайского округа данные о свободных землях в Змеиногорском уезде [56, л. 5]. Эти данные свидетельствуют, что свободные земли в Алтайском округе накануне Столыпинских переселений еще имелись. Как показала практика, только в 1907–1908 гг. под колонизацию Кабинет передал на Алтае 688683,17 дес. свободных земель [57, с. 44–45].

По подсчетам Г.П. Жидкова, в 1907–1915 гг. на Алтае администрация Кабинета передала Переселенческому управлению 3427863 дес. Из них 1612350 дес. было взято из числа свободных земель, 1158894 – из оброчных статей. На этих землях было образовано 3415 участков, на которых заселились 230000 д.м.п. [46, с. 200].

Наиболее интенсивно динамика заготовки колонизационного фонда на Алтае проходила в 1907–1908 гг. В это время без особых формальностей передавалось все, что было в наличии и выбиралось переселенческой организацией, включая арендные статьи, занятые арендаторами [57, с. 44]. Заметим, что не все земли, передаваемые Кабинетом, использовались Переселенческим управлением. Часть из них ввиду невысокого качества или из-за непригодности для хлебопашества была отвергнута Переселенческим управлением. Так, в 1914 г. было намечено передать в колонизационный фонд 77650 дес. из числа земель Кабинета, но фактически было использовано лишь 46102,07 дес. [58, л. 28–28об., 86–86об., 113–113об., 139–139об.].

Источником пополнения колонизационного фонда в период Столыпинских переселений были также запасные участки. Такие участки на рубеже XIX–XX вв. образовывались одновременно с переселенческими, с расчетом увеличения численности старожилого населения. Например, в 1906 г. в Мариинско-Зачулымском, Алтайском, Золотоискском и Татош-Шегарском подрайонах числилось 160 запасных участков [59, л. 2]. До 1895 г. Западносибирским переселенческим отрядом и Тобольской временной партией в Ишимском и Тюкалинском округах было образовано 34 запасных участка на 6070 душевых долей [60, л. 1–56] (подсчитано нами. – Д.Б.).

По подсчетам В.Г. Тюкавкина, в 1893–1914 гг. таких участков по всей Сибири было образовано на площади более 1 млн дес. [8, с. 23]. Точный подсчет этих участков вряд ли возможен, так как запасные участки в этот период часто переводились в разряд переселенческих и наоборот.

Заметим, что еще одним потенциальным источником для пополнения колонизационного фонда могли стать земли, которые можно было вовлечь в сельскохозяйственный оборот посредством мелиоративных

работ. В первую очередь речь идет о некоторых заболоченных землях Западной Сибири, которые можно было путем осушения сделать относительно удобными для заселения. Нельзя сказать, что правительство ничего не предпринимало в этом направлении. Напротив, как видно из журнала заседаний Комитета Сибирской железной дороги, еще в 1897–1898 гг. правительство ставило задачи по осушению заболоченных земель Барабинской степи (Томская губерния). Так, в 1897 г. было закончено осушение Карапузского и Кожурлинского болот, а также произведены работы по осушению болот в бассейнах Кондуслы и Каргата. Эти работы коснулись 12 заболоченных переселенческих участков (53751 дес.), предназначенных для 2712 переселенцев [61, с. 96–96об.]. Были и другие примеры осушения болот, вовлечения их в сельскохозяйственный оборот. В дер. Карачино осушенное болото было засеяно, и с него в дальнейшем был получен урожай. Даже в непростые годы Первой мировой войны разрабатывались проекты осушения болотистых районов в Западной Сибири. Так, в феврале 1917 г. в Тобольской губернии было предложено осушить заболоченное Аллапное пространство – около 3 млн дес., из которых 157520 было занято переселенческими участками. Следствием заболоченности была слабая заселяемость данного района: переселенческие участки были использованы только на 30% [62, с. 58]. По данным П.А. Столыпина, в 1895–1908 гг. в Барабинской степи было проложено около 1800 верст каналов, осушено до 900000 дес. [2, с. 23].

Несмотря на отдельные мероприятия в сфере мелиорации земель, еще оставался значительный резерв, за счет чего возможно было расширение колониционного фонда. По данным ревизора Переселенческого управления В.П. Воицина, в Туринском уезде казенные неудобные земли (преимущественно болота) составляли 4183845 дес. Обращение небольших болот путем их выжигания и проведением водосточных канавок сначала в сенокосы, а затем в пашни широко практиковалось на крестьянских землях Туринского уезда [29, л. 35–35об.].

Свободные земли, пригодные для колонизации в Западной Сибири, продолжали оставаться в наличии даже после Столыпинских переселений. В 1916 г. ревизор при Переселенческом управлении В.П. Воицин предпринял попытку собрать данные по оценке колониционных перспектив Зауралья. Он признал, что в районе работ Тюменско-Туринской партии казенно-оборочные статьи для целей колонизации почти исчерпаны, излишки землепользования старожилов в Тюменском и Туринском уездах никогда не играли сколько-нибудь значительной роли в деле колонизации «и нет оснований рассчитывать на них в будущем». Поэтому в качестве главного источника образования колониционного фонда должны были стать казенные лесные дачи. По мнению В.П. Воицина,

для переселенческих нужд можно было использовать лесные дачи Туринского уезда общей площадью около 424000 дес. Из этой площади менее 200000 дес. было занято собственно лесными насаждениями, остальная земля была свободной. Кроме того, в том же Туринском уезде числилось удобных свободных земель 2174772 дес., из которых в колониционный фонд могло поступить не менее 700000 дес. Помимо этого, в колониционный фонд можно было включать свободные казенные земли Тобольского уезда по рекам Лайме, Носке, Алымке и верховьям Кумы общей площадью 1200000 дес. [29, л. 28–29, 30–30об., 33–34].

В планах землеотводных работ на 1918 г. по району Тюменско-Туринской поземельно-устроительной партии предполагалось осуществить заготовку колониционного фонда из состава Морозовской и Емангильской дач, а также Шабалинской казенно-оборочной статьи (Тюменский уезд) общей площадью около 10000 дес. Причем эти земли находились вдали от селений, и их обращение под колонизацию не должно было нарушить интересы старожилого населения. Кроме того, в Туринском уезде свободными для колонизации были признаны еще 5 казенных лесных дач (до 50000 дес.). Обозначенные в плане землеотводные работы продолжали выполняться, несмотря на обстоятельства Гражданской войны. Так, осенью 1918 г. зав. Тюменско-Туринской партией докладывал, что работы по образованию переселенческих участков из земель Морозовской дачи, Шабалинского и Боковского казенно-оборочных участков идут непрерывно и к концу полевого периода будут закончены на площади в 11000 дес. [11, л. 23об.–25об., 83]. Заметим, что речь в данном случае не шла о каких-то заболоченных или заросших дремучей тайгой землях. До 25% всей указанной площади было занято пашнями и покосами, а остальная часть представляла собой редколесье. Следовательно, предполагаемый фонд был удобен для немедленного заселения [63, л. 6–6об.].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Вопреки мнению об исчерпании колониционного фонда уже в конце XIX в. свободные земли, пригодные для переселенцев, еще имелись. Реальность опровергла мнение о полном исчерпании колониционного фонда накануне осуществления Столыпинской переселенческой политики. Проведенные почвенно-ботанические экспедиции позволили выявить в Западной Сибири свободные земли, годные для колонизации.

2. Источниками для формирования колониционного фонда в Западной Сибири стали пустующие пространства, казенно-оборочные статьи, лесные дачи, кабинетские земли, запасные участки и отрезки от землепользования старожилов и инородцев. При этом в качестве основного источника формирования

колониционного фонда выступали пустующие пространства, казенные и кабинетские оброчные статьи и казенные лесные дачи.

3. Пригодные для заселения земли в Западной Сибири продолжали оставаться даже после Столыпинских переселений. В качестве источника формирования колониционного фонда после Первой ми-

ровой войны, Февральской и Октябрьской революций могли выступать пустующие пространства, казенные земли и лесные дачи. Определенным резервом для колонизации являлись заболоченные земли, вовлечение которых в сельскохозяйственный оборот было возможно после мелиоративных работ, что требовало значительных средств и времени.

Библиографический список

1. Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. – Омск, 2006.
2. Кривошеин А.В., Столыпин П.А. Поездка в Сибирь и Поволжье. – СПб., 1911.
3. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. – Новосибирск, 1991.
4. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск, 1976.
5. Пожарская К.А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация : дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2009.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 24.
7. Переселение и заготовка земель для переселенцев. – СПб., 1907.
8. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск, 1966.
9. Тихеев И.И. Записка об исследовании таежных пространств Сибири. – СПб., 1897.
10. Обзор Томской губернии за 1910 год. – Томск, 1912.
11. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ). – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 49.
12. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1908.
13. Сибирские переселения. Вып. 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. – Новосибирск, 2006.
14. Куломзин А.Н. Всеподаннейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб., 1896.
15. Крестьянское землепользование и хозяйство в Томской и Тобольской губерниях. – СПб., 1894.
16. ГУТО ГАТ. – Ф. и-185. – Оп. 1. – Д. 446-а.
17. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 129.
18. ГУТО ГАТ. – Ф. и-3. – Оп. 1. – Д. 4.
19. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГУТО ГАТО). – Ф. и-48. – Оп. 1. – Д. 794.
20. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 183. – Оп. 3. – Д. 260.
21. ГУТО ГАТО. – Ф. и-49. – Оп. 1. – Д. 184-а.
22. ГАОО. – Ф. 183. – Оп. 3. – Д. 277.
23. ГАТО. – Ф. 240. – Оп. 1. – Д. 550.
24. ГУТО ГАТ. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 313.
25. ГУТО ГАТ. – Ф. и-185. – Оп. 1. – Д. 25.
26. ГУТО ГАТО. – Ф. и-8. – Оп. 1. – Д. 11.
27. ГУТО ГАТО. – Ф. и-8. – Оп. 1. – Д. 9.
28. ГУТО ГАТ. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 68.
29. ГУТО ГАТ. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 48.
30. Атлас Азиатской России. – СПб., 1914.
31. Боженко Л.И. Землеустройство неприписных и переселенцев в Сибири накануне НЭПа // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1999.
32. Складов Л.Ф. Создание колониционного земельного фонда на свободных государственных и Кабинетских землях Сибири в 1907–1914 гг. // Вопросы истории Сибири. – Л., 1961.
33. Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв. : сборник документов / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск, 2010.
34. ГУТО ГАТО. – Ф. и-8. – Оп. 1. – Д. 2.
35. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 57.
36. ГУТО ГАТО. – Ф. и-8. – Оп. 1. – Д. 10.
37. ГУТО ГАТ. – Ф. и-185. – Оп. 1. – Д. 7.
38. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). – Томск, 1979.
39. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. – Новосибирск, 1975.
40. Когут М.Т. Начальный этап поземельного устройства сибирских крестьян (1898–1906 гг.) // Аграрная политика царизма в Сибири : межвузовский сборник научных трудов. – Омск, 1989.
41. Елбачева Г.А. Землеустройство в Горном Алтае (1911–1913 гг.) // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). – Красноярск, 1982.
42. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005.
43. Переселение в Алтайский округ. – Барнаул, 1912.
44. Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Е.И.В. – Барнаул, 1913. – Т. II.
45. Храмов А.А. Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. – Барнаул, 1994.
46. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение. 1747–1917 гг. – Новосибирск, 1973.
47. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М., 2001.
48. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. д-59. – Оп. 1. – Д. 28.
49. Краевое государственное учреждение Государственный архив Алтайского края (КГУ ГААК). – Ф. д-29. – Оп. 1. – Д. 391.
50. КГУ ГААК. – Ф. д-29. – Оп. 1. – Д. 374.
51. КГУ ГААК. – Ф. д-4. – Оп. 1. – Д. 2853.

52. Храмков А.А. Поземельное устройство крестьян Томской губернии в 1908–1916 гг. // Труды Алтайского политехнического института им. А.А. Ползунова. Вып. 20: Общественные науки. – Барнаул, 1972.
53. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), III, Т. XXVI. – Отделение 1. – СПб., 1909. – №28357.
54. Азиатская Россия. – СПб., 1914. – Т. 1.
55. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 391. – Оп. 3. – Д. 759.
56. КГУ ГААК. – Ф. д-4. – Оп. 1. – Д. 5223.
57. Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.). – Барнаул, 1916.
58. КГУ ГААК. – Ф. д-4. – Оп. 1. – Д. 446.
59. ГАКО. – Ф. д-35. – Оп. 1. – Д. 45.
60. ГУТО ГАТ. – Ф. и-3. – Оп. 1. – Д. 241.
61. ГУТО ГАТ. – Ф. и-534. – Оп. 1. – Д. 4.
62. Белянин Д.Н. Качество колониционного фонда в Западной Сибири в 1906–1914 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – №1.
63. ГУТО ГАТ. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 50.